

тета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 13. 2013. Вып. 3. С. 20–27.

³ Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX вв.: (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004; Леонов М.М. Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара, 2009; Дронов И.Е. Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009; Пронина И.А. Князь В.П. Мещерский: консервативная оппозиция великим реформам. Волгоград, 2013.

⁴ Дронов И.Е. Консервативный проект... С. 10.

⁵ Там же. С. 8. Расходясь в написании фамилии автора статьи, Дронов и Черникова указывают, что она была опубликована в 1981 г. в № 3 «Славистического и восточно-европейского журнала», хотя она появилась лишь в № 4.

⁶ Дронов И.Е. Консервативный проект... С. 12.

⁷ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010 (обсуждение книги см.: Российская история. 2013. № 1); Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 325–339 (обсуждение книги см.: Российская история. 2014. № 2); Ведерников В.В. К.П. Победоносцев – публицист «Гражданина» // Победоносцев К.П. «Будь тверд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма. СПб., 2010. С. 5–53; Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Алек-

сандра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014; *Kołodziejczak A.* «Moje wspomnienia» księcia Włodzimierza Mieszczerzkiego: poetyka, portret elity rosyjskiej, wizja kultury polskiej. Białystok, 2016.

⁸ Мещерский В.П. Письма... 1863–1868. С. 231.

⁹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 669.

¹⁰ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3233, л. 41 об. В подлиннике по-французски.

¹¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010. С. 103.

¹² Correspondence: Grand Duke Nikolai Alexandrovich Romanov and Vladimir Petrovich Meshchersky // *New Zealand Slavonic Journal*. 2003. Vol. 37. P. 257–280.

¹³ «Ужасный день смерти брата... останется для меня лучшим днём моей жизни»: Письмо будущего императора князю Мещерскому // Родина. 2015. № 2. С. 11–12.

¹⁴ Император Александр III. М., 1894 (вклейка между стр. 264 и 265).

¹⁵ Мещерский В.П. Письма... 1863–1868. С. 578.

¹⁶ ОР РГБ, ф. 178, к. 7733, д. 1, л. 1 об., 2.

¹⁷ ОР РНБ, ф. 650, оп. 1, д. 1504, л. 1 об.

¹⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 253, л. 4 об.–7; Мещерский В.П. Письма... 1869–1878. С. 550–553.

¹⁹ ОР РГБ, ф. 230, к. 5273, д. 2, л. 12 об.

* * *

Дмитрий Андреев

Атипичный консерватор

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Atypical conservative

DOI: 10.31857/S086956870001585-4

После выхода в постсоветское время нескольких монографических работ, посвящённых разным аспектам общественно-политической деятельности и публицистики одного из самых известных консерваторов конца XIX – начала XX в. – кн. В.П. Мещерского, фундаментальный труд Н.В. Черниковой подводит итоги изучения этой фигуры. Правда, по словам исследовательницы, «говорить о

всесторонней разработанности темы до сих пор нельзя», поскольку историки продолжают заинтересованно спорить о политических взглядах и уровне влияния князя (с. 5). При таких условиях, пожалуй, особенно важна вторая половина книги, в которой рассматривается роль Владимира Петровича в царствования Александра III и Николая II, так как именно тогда окончательно оформи-

лась его мировоззренческая позиция, а политическое влияние, пусть и не отличавшееся стабильностью, достигло апогея.

Как утверждает исследовательница, вопреки укоренившемуся в научной литературе мнению о лицемерии Мещерского, во взаимоотношениях с другими людьми его скорее отличала прямота, а интриганство, напротив, было ему чуждо (с. 444). Это проявлялось и в политических пристрастиях князя. Так, его монархические взгляды были тверды, последовательны и в основе своей глубоко религиозны, что, в частности, подтверждается теми доводами, с помощью которых он пытался убедить Александра III не затягивать с коронацией после восшествия на престол (с. 269). Вместе с тем монархизм кн. Мещерского имел явный славянофильский оттенок и, в частности, в «общественной самостоятельности» он видел «средство единения императора с народом» (с. 271). А.А. Тесля объясняет «специфические колебания князя» — неожиданное согласие с игнатьевским проектом Земского собора в 1882 г., а затем и с Манифестом 17 октября 1905 г., ограничивавшим самодержавие, — «безоговорочной поддержкой» любых царских решений¹. Однако в этих «колебаниях» проявлялись и надежды Владимира Петровича на благие плоды «общественной самостоятельности», и присущий ему антибюрократический пафос. Всё же едва ли его постоянная иступлённая борьба с «министерским бюрократическим деспотизмом» (с. 354) объяснялась исключительно личными интересами и стремлением обеспечить своё влияние, основанное на умении устанавливать и поддерживать неформальные отношения с нужными людьми (с. 311). Черникова смогла убедительно показать, как принципы и индивидуальные особенности поведения формировали у кн. Мещерского те самые представления о норме и идеале, которыми затем и оправдывались.

Специфические взгляды князя отчётливо выразились в своеобразном «внепартийном» характере его «политической и литературной» «газеты-журнала» «Гражданин», сначала только выпускавшейся, а затем и редактировавшейся Владимиром Петровичем. В книге досконально разобрано, как обеспечивалось финансирование издания, что влияло на его позицию в той или иной ситуации, каким образом осуществлялась обратная связь с целевой аудиторией и т.д. Учитывается и то, в каком контексте всё это происходило. Вскоре после начала выхода «Гражданина» вел. кн. Александр Александрович разорвал отношения с кн. Мещерским, которому пришлось свер-

нуть участие в ряде дел и понести из-за этого убытки. В то же время выпуск «Гражданина» стал для него исключительно важен и как способ «самореализации», и как основной и осязаемый продукт публичной деятельности (с. 140). Конечно, сознательное вступление на стезю журналистики неизбежно влекло за собой новые репутационные издержки (с. 142–143), однако именно в первые годы существования «Гражданина» (пусть и при других редакторах) сформировался публицистический почерк князя — экзальтированный, резкий, балансировавший на грани допустимого и вместе с тем не чуждый сентиментальности. «Его публицистика, — пишет Черникова, — всегда была слишком эмоциональна, статьи недостаточно продуманы и небрежно исполнены, в них легко можно было найти множество неуместностей и передержек. Всё это стало основой репутации Мещерского-публициста, наиболее примечательной характеристикой сочинений которого называли их алогичность, непроверенность фактов, произвольность и категоричность выводов» (с. 469). По этим чертам в более позднее время легко угадывалось авторство его «дневниковых» заметок. Но, несмотря на всё это, как полагает Черникова, «стройная система взглядов, которую он пронёс через всю жизнь, позволяет с уверенностью назвать князя В.П. Мещерского одним из идеологов русского консерватизма» (с. 468). Только он отнюдь не напоминал дремучего реакционера, каким его считали в советской историографии, и, редактируя «Гражданин», регулярно выходил за «жесткие рамки» журналистских партий (с. 230–231). Более того, приведённые в книге факты свидетельствуют о непростых взаимоотношениях данного издания с цензурой и убедительно опровергают представление о том, что оно имело официозный характер (с. 253–260).

Тем не менее нельзя согласиться с утверждением Черниковой, будто кн. Мещерский колебался между призывами к реформам и приверженностью самодержавным идеалам от безысходности и необходимости в начале XX в. «искать новые подходы к решению назревших проблем», считаясь с «принципиальной склонностью правительства и лично Николая II к реформам» (с. 359). Говоря об этой «принципиальной склонности», исследовательница почему-то ссылается исключительно на более чем спорные суждения С.В. Куликова, не учитывая более взвешенные оценки других историков. Между тем неожиданные заявления князя, включая поддержку нового строя, провозглашённого 17 октября 1905 г., похожи не столь-

ко на неуверенные и лихорадочные поиски новой политической ниши, сколько на попытки, часто неуклюжие, усмотреть в происходивших переменах нечто, способствовавшее укреплению самодержавия и позволявшее побороть бюрократического «монстра» (с. 395–398). Черникова верно отмечает, что «активно употребляемая Мещерским “либеральная” лексика» на самом деле обладала «отличным от общепринятого внутренним наполнением», соответствовавшим устойчивым убеждениям Владимира Петровича (с. 363). Да и о необходимости серьёзных преобразований он заговорил за несколько лет до революционных событий 1905 г. В инициированном им Манифесте 26 февраля 1903 г., текст которого после доработки министром внутренних дел В.К. Плеве стал более умеренным, намечались крупные реформы (с. 363–367), пусть и несравнимо менее радикальные, чем осуществлённые в 1905–1906 гг.

Как известно, политическое влияние кн. Мещерского было обусловлено прежде всего его особыми личными отношениями с двумя последними самодержавцами. Их формирование и развитие внимательно рассмотрены Черниковой, сумевшей преодолеть многие стереотипы и дать, как правило, взвешенные и обоснованные оценки. Впрочем, отдельные её обобщения спорны. Например, действительно ли дружба Александра III и кн. Мещерского объяснялась тем, что монарх плохо представлял себе реальное положение дел в стране и нуждался в независимом источнике информации, не исходившей непосредственно от правительственной бюрократии? В монографии это подтверждается лишь словами гр. И.И. Воронцова-Дашкова и публицистическими сочинениями (с. 309–310), которых всё же явно недостаточно. Трудно согласиться и с тем, что «ходатайства редко достигали императора, спускаясь в соответствующие ведомства и ниже» (с. 310). Как раз при Александре III была в очередной раз преобразована Канцелярия прошений, на высочайшее имя приносимых, куда, минуя все бюрократические инстанции, поступали обращения подданных. Насколько эффективно действовало это учреждение, сказать сложно, но оно существовало, а в самом конце XIX в. даже стало причиной препирательств среди высших сановников².

В целом, Черникова не склонна преувеличивать степень влияния кн. Мещерского на Александра III, справедливо указывая, что император отнюдь не всегда сверялся с княжескими советами. Во всяком случае, точно установить, какова была роль кн. Мещерского

даже в тех назначениях, которым он мог сочувствовать, довольно трудно. Сомнительно также, что именно царствование Александра III оказалось для Владимира Петровича «периодом наибольших возможностей» из-за укоренившегося в обществе мнения о силе его рекомендаций (с. 321). Влиятельность, конечно, зависит от слухов и пересудов, но определяется вовсе не ими. А «наибольшие возможности» у кн. Мещерского появились скорее уже при Николае II, хотя их отношения не всегда были равными и одинаково близкими и доверительными. После смерти Александра III дистанция между царём и министрами заметно уменьшилась – во всяком случае, поначалу они стали держаться более свободно, чему способствовала и ощутимая разница в возрасте с молодым самодержцем. Соответственно возросла ценность связей князя с окружением монарха, открылись новые перспективы.

Однако первые годы нового царствования сложились для Владимира Петровича не самым благоприятным образом. Н.В. Черникова вслед за И.Е. Дроновым (почему-то не ссылаясь в данном случае на его публикацию³, но цитируя при этом те же самые источники) признаёт, что князь оказался скомпрометирован громкой отставкой министра путей сообщения А.К. Кривошеина, возвышению которого ранее способствовал и редактор «Гражданина». Вскоре обнаружилась и его причастность к махинациям Кривошеина (с. 323, 414–415). Причём скандал раздул близкий к салону кн. Мещерского государственный контролёр Т.И. Филиппов (с. 415–416)⁴. Всё это на несколько лет сделало императорские резиденции недоступными для Владимира Петровича. Ситуация стала меняться в лучшую для него сторону лишь после того, как МВД возглавил Д.С. Сипягин (с. 416–417).

При этом в основе близости кн. Мещерского с Сипягиным, как показано в книге, лежал не только прагматичный расчёт, но и свойственный им обоим антибюрократический настрой (с. 360). Сложнее было наладить взаимодействие с преемником Сипягина – Плеве: они с князем давно знали друг друга, причём Владимир Петрович в своих письмах едко критиковал Вячеслава Константиновича за «иезуитизм» и приверженность к административным методам и решениям. Тем не менее им приходилось сотрудничать, готовя Манифест 26 февраля 1903 г. и реформу местного управления. Ситуация ещё более осложнилась из-за конфликта главы МВД с министром финансов С.Ю. Витте, который идеологически был го-

раздо ближе кн. Мещерскому (с. 369–373, 435–436)⁵. Поэтому начавшиеся после гибели Плеве «метания» редактора «Гражданина» и критика им «официального консерватизма» убитого сановника объяснялись не спонтанным порывом или конъюнктурой общественных настроений, а выношенными и накопившимися претензиями, вполне соответствовавшими мировоззрению князя. Любопытно, кстати, что именно он в начале августа 1904 г. заговорил про «доверие», которое стало лозунгом политического курса кн. П.Д. Святополка-Мирского (с. 373).

По мнению Черниковой, «период наибольшей близости» кн. Мещерского к Николаю II пришёлся на 1902–1904 гг. Тогда царь, общавшийся с ним совершенно иначе, чем отец — без «оттенка снисходительности и жалости» (с. 417), на «ты» (с. 418), — «советовался с князем относительно некоторых назначений, выслушивал его замечания по отдельным проектам», хотя и «неизменно оставлял решение за собой» (с. 430). Неслучайно в это время кн. Мещерский почувствовал себя более раскованно, что сразу же красноречиво выразилось в стилистике его писем, в которых даже появились рассуждения о «тайном оборонительном союзе» с императором (тогда как Александру III он предлагал в ноябре 1888 г. заключить «новый завет»)⁶.

И всё же основную причину укрепления позиций кн. Мещерского, по-видимому, следует искать не в тех или иных его происках и не в помощи Сипягина, а в действиях самого царя: в первые годы XX в. он приблизил французского лекаря, мистика и гипнотизёра Ф.Н. Вашоля, более известного как «месье Филипп» (с. 418–421), чуть ранее познакомился с А.А. Клоповым, сделав его своим неформальным советником, а несколькими годами позже обратил внимание на Г.Е. Распутина. Потребность Николая II, особенно до реформ 1905–1906 гг., в подобных конфидентах, чуждых официальным правительственным структурам, очевидна. В этом контексте следует рассматривать и его контакты с кн. Мещерским, который к тому же не стал для монарха совершенно новым человеком.

В монографии оспаривается мнение В.С. Франка о том, что князь «приспособил свою концепцию самодержавной власти к “смутным, не до конца осознанным политическим эмоциям последних государей”». По словам Черниковой, «созвучие» позиции редактора «Гражданина» идейным предпочтениям Александра III и Николая II «с наименьшим основанием можно объяснить простым совпадением или даже влиянием

Мещерского на становление системы взглядов этих императоров» (с. 417). Разумеется, нетрудно допустить «простое совпадение», однако роль Владимира Петровича в «становлении» мировоззрения Александра III и Николая II не стоит преувеличивать. Они обладали не «смутными, не до конца осознанными политическими эмоциями», а своему цельными, хотя и достаточно простыми, представлениями о государственном устройстве Российской империи и делали всё для того, чтобы такими же убеждениями проникались их супруги. Так, записка о самодержавии, написанная на французском языке обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым, поданная им императору в январе 1895 г. и, вероятно, предназначавшаяся для императрицы Александры Фёдоровны⁷, убедительно подтверждает вывод исследовательницы о том, что «князь не только не был единственным, но и был далеко не первым, кто поддерживал Николая II в его понимании самодержавия» (с. 424). И уже поэтому сравнению политических идеалов кн. Мещерского и Победоносцева следовало бы уделить особое внимание. Не менее интересным стало бы также сопоставление позиций кн. В.П. Мещерского и М.Н. Каткова в 1870–1880-е гг. А обращение к работам А.Э. Котова и А.Ю. Полунова существенно облегчило бы решение данных задач⁸.

Н.В. Черникова изображает кн. В.П. Мещерского нетипичным и гибким, но вместе с тем стойким и последовательным консерваторм, отстаивавшим свои ценности, понимаемые не всегда общепринятым образом (с. 468). Написанная ею биография, безусловно, удалась, а выводы исследовательницы представляют несомненный интерес для изучения истории внутренней политики самодержавия и общественной мысли России второй половины XIX — начала XX в.

Примечания

¹ *Тесля А.А.* Н.В. Черникова. Портрет на фоне эпохи: Владимир Петрович Мещерский. М., 2017 // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2018 год. М., 2018. С. 603–604.

² См.: *Ремнёв А.В.* Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. 1997. Омск, 1998. С. 17–35.

³ «Россия не созрела даже для совещательной Думы». Письма князя В.П. Мещерского к императору Николаю II. 1902–1907 гг. / Публ. И.Е. Дронова // Исторический архив. 2005. № 6. С. 34.

⁴ В воспоминаниях, написанных спустя много лет, кн. Мещерский продолжал настаивать

вать на невиновности Кривошеина и утверждал, что тот стал жертвой неблагоприятных интриг. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Дело Кривошеина (1894 г.): взлёт и падение «ростовского Кречинского» // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 2013. № 2. С. 15–32.

⁵ Остаётся сожалеть, что в книге не рассмотрено участие кн. Мещерского в распространении, как минимум, двух из известных четырёх версий того, как и почему в августе 1903 г. Витте покинул Министерство финансов. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011. № 2. Ч. 1. С. 208–215; *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2016. С. 883–884.

⁶ *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018. С. 638.

⁷ Подробнее см.: *Соловьёв Ю.Б.* Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // *Археографический ежегодник за 1972 год*. М., 1974. С. 311–318; *Андреев Д.А.* Победоносцеву был органически присущ морально-этический максимализм // *Российская история*. 2013. № 1. С. 118.

⁸ *Котов А.Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010; *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016; *Полунов А.Ю.* Победоносцев. Русский Торквемада. М., 2017; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010 (обсуждение книги см.: *Российская история*. 2013. № 1. С. 91–119).

Алексей Васильев

Рец. на: Р. Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Алетейя, 2017. 208 с.

Aleksey Vasiliev

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Institute of Central-East Europe, Lublin, Poland)

Rec. ad op.: R. Dmowski. Germania, Rossia i Pol'skiy vopros. Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870001586-5

Анализируя историю Польши межвоенного периода, известный английский исследователь Н. Дэвис пишет, что полное описание политического спектра страны потребовало бы создания небольшой энциклопедии. Однако при этом никого «невозможно сравнить по значению с двумя людьми, личности и идеологии которых доминировали от начала до конца. Этими двумя были Роман Дмовский и Юзеф Пилсудский»¹. Действительно, они составляли «бинарную оппозицию», системообразующую для Второй Речи Посполитой. Более того, их образы, идейное наследие и созданные ими организации не только влияли на общественную жизнь рубежа XIX–XX вв., но и по сей день остаются важнейшими элементами политической культуры и «местами па-

мяти», вокруг которых складывается и поддерживается идентичность самых широких кругов общества. Отношения Пилсудского и Дмовского были таковы что, когда в 1935 г. первый умер, второй – один из отцов государства, бывший министр иностранных дел, лидер влиятельного движения – не получил приглашения на похороны. В свою очередь, на похоронах Дмовского в 1939 г. не присутствовал ни один представитель правительства. И даже сегодня по улицам польских городов проходят демонстрации с лозунгами типа «Дмовский – не мой герой!», но можно встретить и немало людей в футболках с его портретами и цитатами.

Вместе с тем «освоение» этих двух фигур отечественной историографией крайне неравномерно. Пилсудский присутствует в ней 207